

А. А. ЧЕКАЛОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗНАТНОСТИ В ВИЗАНТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V—VI в.

В предыдущей статье¹ мы рассмотрели представления о знатности главным образом официальных кругов и элиты общества (родовитой аристократии и интеллигенции). Прежде чем обратиться к эволюции этих представлений во второй половине V—VI в., попытаемся проанализировать, насколько возможно, взгляды на знатность, бытовавшие среди более широких слоев населения, нежели тот узкий круг, воззрениям которого мы уделили внимание ранее. Речь пойдет о средних и низших слоях населения ранневизантийской империи. Взгляды их с большой долей вероятности можно реконструировать по обращенным к ним проповедям, в чем мы вполне согласны с А. Я. Гуревичем².

И здесь для специалиста по истории ранней Византии имеется богатый материал — проповеди Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Астерия Амасийского и др. Все они свидетельствуют, что для слушателей этих великих проповедников (как, по всей видимости, и более скромных, чьи слова дошли до нас лишь в пересказах очевидцев) высший слой империи — это те, кто обладает могуществом, властью, высоким званием³, т. е. военно-чиновная знать. Конечно, и Иоанн Златоуст, и Григорий Назианзин знали о категории *eúγενεῖς*, хотя бы потому, что сами к ней принадлежали, однако в своих проповедях они, видимо, для того, чтобы быть понятными, этим термином предпочитали не пользоваться. И это веское свидетельство в пользу того, что категория родовитости в глазах широких масс не имела существенного значения, за исключением, может быть, тех случаев, когда потомственный аристократ оказывался на службе у императора или по крайней мере был богат (имущественный критерий деления общества, судя по тем же проповедям, был весьма широко распространен⁴).

К сходному выводу можно прийти и при чтении агиографической литературы, также рассчитанной на широкие круги населения Византии, взгляды и вкусы которых она в достаточной мере отражала. Так, если для Либания префект претория времени Константина и Констанция Абла-

¹ Чекалова А. А. Представления о знатности в Византии IV—первой половине V в. // ВВ. 1990. Т. 51.

² Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехample XIII века). М., 1989. С. 356.

³ PG. Т. 35. Col. 864, 892, 976; Т. 40. Col. 164; *Jean Chrysostome. Commentaire sur Isaïe* / Ed. J. Dumortier. P., 1983. P. 84; PG. Т. 52. Col. 393.

⁴ PG. Т. 35. Col. 868, 881; Т. 40. Col. 164—180; Т. 47. Col. 1052; Т. 55. Col. 249.

бий — всего лишь выскочка, поднявшийся до незаслуженных почестей⁵, то для агиографа его семья, вне всякого сомнения, аристократическая⁶. И если культурная элита общества лишь к середине V в. начинает признавать без оговорок притязания на знатность представителей военно-административного аппарата империи, и то лишь как знатность по положению, четко отличая от ее родовитости, которую чтят никак не меньше, то в глазах более широких слоев населения, насколько позволяют судить данные агиографии (например, жития Олимпиады и Евпраксии⁷), именно этот слой (причем уже в IV в.) и отличался истинной знатностью.

К середине же V в. в агиографической литературе окончательно складывается классический тип знатного человека — обладателя высшего сенаторского звания (титула *illustris*): он богат и нередко завещает свое имущество церкви или монастырю⁸; он влиятелен, и люди ищут его протекции, пропасть отделяет его от остальных людей, за что его порицают проповедники⁹. В целом сановники изображаются в агиографии как замкнутый социальный слой. Именно в этот круг людей попадает во времена Нестория юная Мелания, и жены сановников увещевают ее встать на путь истинной веры. При этом используется выражение, ставшее стереотипом для обозначения жен представителей высшей знати: *πολλὰι τῶν συγχλητικῶν ἐλευθέρων*¹⁰.

Примечательно, что из того набора качеств, которыми наделяются сановники, самое главное — их близость к императору, отношение к которому у агиографов также заметно отличалось от восприятия верховного носителя власти элитой, к которой принадлежал, например, Синеший Киренский¹¹. В то время как для Либания, Евнапия, Синесия основным назначением и честью человека было служение родному городу, для более широких масс вершина, к которой следует стремиться, — близость к императору, она выше родства, выше всех других благ. В наиболее полной и законченной форме это отражено в Житии Симеона Юродивого, где говорится: «Если земной и смертный царь призовет вас, желая сделать патрикиями и кувикуляриями своего земного и брэнного дворца, преходящего как тень и сон, разве вы не пренебрежете всем, что у вас есть, и без раздумий сразу же не пойдете к нему, чтобы насладиться почестями его, его ликом и речью, и готовы будете принять всякий труд, всякое бремя и даже смерть ради одного того, чтобы удостоиться узреть тот день, когда царь в присутствии всего своего сената примет вас, возь-

⁵ *Libanii Or.* XLII. 24. Об Аблабии см.: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1: 264—395 / Ed. A. H. M. Jones. J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. (Далее: PLRE. I). P. 3.

⁶ *Vie anonyme d'Olimpias* / Ed. A. M. Malingrey // *Sources chrétiennes*. P., 1968. P. 411.

⁷ *Ibid.*; *Vita St. Eupraxiae* // *AASS. Martis* Vol. 2. P. 920—921.

⁸ *La vie ancienne de saint Marcel l'Acémète* / Ed. G. Dagron // *Analecía Bollandiana*. 1968. Vol. 86. Fasc. 3—4. P. 296: «Ἦν τις Φαρέτριος, υἱὸς ἀνδρὸς μέγιστον δυναθέντος ἐν τῇ Ῥωμαίων συγχλήτῳ καὶ πλοῦτον ἔχοντος οἷον εἰκὸς ἄνδρα ἐν τῇ μεγάλῃ βουλῇ πρωτεύοντα». Фаретрий стал монахом, его богатство пошло на расширение монастыря акемитов (*Ibid.* P. 297).

⁹ См., например: *Kallinikos. Vie d'Hypatios* / Ed. G. J. M. Bartelink. P., 1971. 6: «Ἴωνα вошел в великий город и смело сказал иллюстриям: „Бедняки Фракии разграблены, пошлите им еды“. Он так жаждал добра, что открыто, в глаза порицал иллюстриев».

¹⁰ *Vie de sainte Mélalie la Jeune* / Ed. D. Gorge // *Sources chrétiennes*. 1962. P. 54.

¹¹ *Synesii Cyrenensis De regno*. XVII.

мет к себе на службу и одарит»¹². Примечательно, что константинопольский сенат рассматривается агиографом не как самостоятельный и независимый от императорской власти институт, а именно как его, императорский синклит.

Характерно для агиографической литературы и изменение смысла употребляемых терминов. Так, если в сочинениях Феодорита Киррского слово ἐπίστρος (знаменитый, знатный) употребляется как определение к слову γένος и, следовательно, относится к родовитой аристократии¹³, то в Житии Феодора Сикеота, оно, приобретя уже совершенно самостоятельное значение, употреблено по отношению к человеку низкого происхождения, но оказавшемуся на службе у императора в качестве его посыльного. Это был некий Косьма, выполнявший раньше трюки на верблюдах¹⁴. Ему и суждено было стать отцом Феодора, мать которого, считая это за высшее благо, мечтала видеть сына столичным чиновником¹⁵.

И словно в империи уже не осталось иного рода знатных, высшие ее слои обозначены как οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ ἀξιωματικούς¹⁶, т. е. так же, как они определены в дошедших до нас проповедях.

Что касается интеллектуальной элиты ранневизантийского общества, то взгляды ее со второй половины V в. заметно изменились. Обратимся, например, к Зосиму. При анализе его творчества исследователи, как правило, концентрируют свое внимание на религиозной стороне его мировоззрения¹⁷, причем язычество Зосима рассматривается как признак его устремленности в прошлое¹⁸, высказываются даже предположения относительно республиканского образа его мыслей¹⁹, его принадлежности

¹² Rydén L. Das Leben des heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Stockholm, 1963. P. 128.

¹³ Чекалова А. А. Указ. соч.

¹⁴ Festugière A. J. Vie de Théodore de Sykéôn. Bruxelles, 1970. T. 1. P. 3: «'έτυχέν τινα ἐπίστρον ἄνδρα τοῦνομα Κοσμίον, τὸν ἐν ἱπποδρομίῳ εὐδοκίμησαντα ἐν τῇ τῶν κληρονομητῶν τάξει, ἐκτελεῖν ἀποκρίσεις τοῦ βασιλέως». А. Фестюжьер переводит «τινὰ ἐπίστρον ἄνδρα» как «l'homme d'un certain rang» (Ibid. T. 2. P. 7), что, разумеется, не вполне точно. Нельзя не вспомнить, что Феофилакт Симокатта употребил термин ἐπίστρον в том же значении, что и наше житие, применив его к «человеку из плебеев» Евдомиту (*Theophilacti Symocattae Historia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1889. VIII. 9. 13). Возможно, изменение смысла терминологии являлось не только спецификой агиографического жанра, но и приметой времени, когда различия в представлениях о знатности у разных слоев заметно стирались.

¹⁵ Festugière A. J. Op. cit. P. 4.

¹⁶ Ibid. P. 5.

¹⁷ Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. Ch. III: Zosimus and the Climax of Pagan Historical Apologetics. P. 99—145; Paschoud F. Cinq études sur Zosime. P., 1975; Ridley R. T. Zosimus the Historian // BZ. 1972. Bd. 65. P. 284—285 etc.

¹⁸ Paschoud F. Zosimos // RE. Bd. X A. Kol. 826; Goffart W. Zosimus, The First Historian of Rome's Fall // AHR. 1971. Vol. 76. P. 432—439.

¹⁹ Condurachi E. Les idées politiques de Zosime // Revista clasica. 1942. T. 13/14. P. 115—127; Petre Z. La pensée historique de Zosime // Stud. clas. 1965. T. 1. 7. P. 263—272. По мнению В. Гоффарта, «республиканизм» Зосима носил отвлеченный характер и в этом своем качестве отнюдь не являлся уникальным явлением, поскольку высказывания республиканского толка встречаются у Сидония, Сальвиана и даже в законодательстве (Goffart W. Op. cit. P. 414—415. N. 13). Близок к В. Гоффарту в оценке политических взглядов Зосима Ф. Пашу, который считает, что о республиканизме Зосима можно говорить лишь в романтическом смысле (Paschoud F. Zosimos. Kol. 826; Idem. Cinq études. . . P. 1—2). Критику Зосимом монархии (Zosim. I. 5. 2—4) Ф. Пашу рассматривает в русле его языческой полемики с христианством, поскольку в глазах христиан монархия являлась необходимой предпосылкой для распространения их учения (Paschoud F. Cinq études. . .

к римской интеллигенции²⁰. Однако социальные воззрения Зосима показывают, что он вполне был сыном своего времени и мыслил как гражданин Византийской, а не Римской империи²¹, хотя он, считая себя продолжателем Полибия²², писал историю римского государства.

Относительно социального статуса Зосима наиболее вероятной представляется гипотеза А. П. Каждана о том, что Зосим являлся выразителем идеологии какого-то слоя куриалов, продолжателем линии Либания²³. Наряду с язычеством автора «Новой истории» исследователь исходит из весьма важного факта — оплакивания историком судьбы городов, мотива, столь характерного для образа мыслей представителя сословия куриалов ранней Византии. В пользу точки зрения А. П. Каждана говорят и следующие обстоятельства: представление Зосима о том, что лучшая форма правления — власть аристократов²⁴, его мнение, что гибель империи начинается с Константина²⁵, т. е. со времени, когда после перенесения столицы на Босфор на Востоке в большом количестве появляется военно-чиновная знать, заметно потеснившая куриалов²⁶, наконец, его презрительное отношение к ростовщикам, рабам, варва-

Р. 9—10) Как показал этот исследователь, антимонархическая тирада Зосима отсылалась не к монархии в целом, а лишь к периоду, начавшемуся с правления Константина, и была направлена в первую очередь против него самого и Феодосия I (Ibid. Р. 14—18).

²⁰ Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974. С. 96.

²¹ В. Э. Кэги справедливо, на наш взгляд, назвал Зосима византийским язычником, мыслившим свою верность Риму как верность второму Риму — Константинополю, в процветание которого он свято верит, будучи совершенно убежден в том, что новая столица станет таким же богохранимым градом, каким некогда был Рим (Kaegi W. E. Op. cit. Р. 141—143). Свидетелем своего времени называет Зосима В. Гоффарт, по мнению которого, главная заслуга историка заключается в том, что он отразил взгляды интеллектуальной элиты своей эпохи, в глазах которой восточная часть империи, павшая после Адрианополя, была таким же фактом прошлого, что и ее западная часть после 410 г. (Goffart W. Op. cit. Р. 429—441). Как полагает В. Гоффарт, события III—IV вв., о которых пишет Зосим, при всем том, что идеалы его были в прошлом, являлись для него чем-то отдаленным и туманным (Ibid. Р. 426), и для современного исследователя в его сочинении интерес представляет лишь то, что под видом событий прошлого он отразил действительность начала VI в. и стоявшие тогда перед империей проблемы (Goffart W. Op. cit. Р. 423—426). Возражения см.: Paschoud F. Cinq études. . . Р. 208—209.

²² По мнению Ф. Пашу, связь Зосима с Полибием — мираж; более вероятной представляется исследователю его зависимость от постполибиевой традиции (Paschoud F. Cinq études. . . Р. 6—7). Ср.: Kaegi W. E. Op. cit. Р. 105: Зосим игнорирует точку зрения Полибия о том, что Римская республика имела «смешанную конституцию», и рассматривает ее просто как «аристократию».

²³ Каждан А. П. Рец. на: Zosime. Histoire nouvelle. Т. 1 / Ed. F. Paschoud. Р., 1971 // ВДИ. 1975. № 4. С. 168.

²⁴ Zosim. I. 5. 2. Речь в этом пассаже идет о Римской республике, однако, как справедливо заметил Р. Т. Ридли, едва ли Зосим знал, как функционировала республика (Ridley R. T. Zosimus. . . Р. 282). Зато ему хорошо было известно устройство городов греческого Востока, где до появления римлян в IV в. безраздельно господствовала муниципальная аристократия. Не случайно исследователи говорят о всеисилии курий в городах Востока в III—начале IV в. См.: Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Р., 1955. Р. 27—29.

²⁵ Kaegi W. E. Op. cit. Р. 110—115; Paschoud F. Cinq études. . . Р. 1—23; Козлов А. С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ. 1978. Сб. 15. С. 25.

²⁶ Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века // Учен. зап. УГУ. 1952. Вып. 11. С. 99—101.

рам²⁷, роднящее его с представителями муниципальной аристократии IV—начала V в. Либанием и Синесием²⁸.

Если же вспомнить о том, что сословие куриалов, как показали исследования последних лет, еще не находилось на рубеже V—VI вв., т. е. времени создания труда Зосима²⁹, в стадии упадка³⁰, не покажется удивительным и то, что это сословие могло иметь и выразителя своих интересов, каким оказался Зосим, который, по тонкому наблюдению А. П. Каждана, позволил нам проникнуть в «культурный климат» своей эпохи, когда язычество далеко не исчезло³¹ и, по всей видимости, не воспринималось сословием куриалов как нечто безнадежное, раз его идеолог предпринял попытку создать сочинение, которое явилось бы противовесом христианским церковным историям³².

И все-таки Зосима отделяло от Либания более чем столетие, и это заметно сказалось на его взглядах. Так, если Либаний с пренебрежением относился к латинскому языку, языку имперской администрации, и гневно осуждал тех, кто, закончив курс обучения у ритора, стремился получить юридическое образование³³, то для Зосима, который, возможно, был учеником Прокопия из Газы³⁴, это вполне обычный путь³⁵, как, впрочем, и для самого Прокопия, два брата которого были юристами³⁶.

С признанием значимости юридического образования, уже самом по себе отражавшем положительное отношение к службе в имперском аппарате, на которой он сам состоял в качестве адвоката фиска, тесно связано и представление Зосима о знатности. Категория *eúγενεις* ему, конечно, известна³⁷. Конечно, он ее ценит, и все же его не смущает, что человек благородного происхождения, некто Феодор, которому прочили императорское звание, являлся всего лишь референдарием³⁸, в то время как че-

²⁷ Козлов А. С. Социальные симпатии. . . С. 25; *Он же*. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // АДСВ. 1977. Сб. 14. С. 56.

²⁸ *Lib. Or.* LXII. 21; *Synesii De reg.* XX, XXV; Козлов А. С. Некоторые аспекты. . . С. 58. Примеч. 18.

²⁹ *Ridley R. T. Zosimus.* . . P. 278—280.

³⁰ *Schubert W. Die rechtliche Sonderstellung der Decurionen in der Kaisergesetzgebung des 4.—6. Jahrhunderts // ZSSRA. Romanistische Abt.* 1969. Bd. 86. S. 287—333; *Chrysos E. K. Die angebliche Abschaffung der städtischen Kurien durch Kaiser Anastasios // BYZANTINA.* 1971. T. 3. P. 93—102; *Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur—Gegensätze—Spannungen.* München, 1977. S. 170—173; *Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана).* Л., 1980. С. 130—144.

³¹ Каждан А. П. Указ. соч. С. 168.

³² *Paschoud F. Cinq études.* . . P. 214.

³³ *Lib. Or.* LXII. 21—23.

³⁴ См.: *Paschoud F. Zosimos.* Kol. 800.

³⁵ Зосим в равной степени ценил как риторическое, так и юридическое образование. См.: Козлов А. С. Социальные симпатии. . . С. 28—29.

³⁶ В одном из писем Прокопия, адресованном его бывшим ученикам Макарию и Зосиму, ритор не только не осуждает, но даже восхваляет их за прилежание в изучении законов (Ер. 153). О братьях Прокопия, Филиппе и Захарии, см.: *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire.* Cambridge, 1980. Vol. 2. (Далее: PLRE, II). P. 875—876, 1193—1194. В то время как для Либания знаток законов — неизменно низший по своему статусу человек, в конце V—начале VI в. риторы не испытывают к юристам подобной неприязни, более того, находясь с ними в дружеских отношениях, образуют с ними единый слой близких по духу и настроениям людей. См., например: PLRE. II. P. 17, 697, 921—922.

³⁷ *Zosim.* I. 21. 1; IV. 13. 2—3; 41. 2.

³⁸ *Ibid.* IV. 13. 2—3.

ловец низкого происхождения Валент был императором³⁹. Более того, если Евнапий, у которого Зосим позаимствовал свой рассказ⁴⁰, не скрывает своей симпатии к Феодору за знатность его происхождения, прекрасное воспитание, приятные манеры, снисходительность, гармоничность натуры⁴¹, то Зосим скорее осуждает Феодора за его молодость, горячность, веру в лезть⁴².

В то же время его не смущает то, что человек вроде Абунданция, прибывший из Скифии (во Фракии), поднимается до самых высших должностей⁴³, так же как это делает и кельт Руфин⁴⁴. Более того, именно эти и им подобные лица находятся в центре его повествования, ибо его главное внимание уделено тем, кто обладает силой и могуществом⁴⁵, кто, как Аврелиан, сын нотариуса Тавра, входил в правящую верхушку империи (τοὺς ἐξέχοντες τοῦ πολιτεύματος ἄνδρας)⁴⁶, т. е. представителям высшей имперской администрации.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что для Зосима (в отличие от Евнапия, которого он компилировал) высшие почести — те, которые исходят от императора, а знатность определяется тем, какое место занимает тот или иной человек в иерархии должностей и титулов⁴⁷. Так, еще Либаний порицал за низкое происхождение префекта претория 344—351 гг. Филиппа (он был сыном колбасника⁴⁸), а для Зосима он обладатель высоких титулов (ἐν μεγίστοις ἀξιώματιν) и незаурядного ума⁴⁹.

Видимо, и его интерес к должностям и титулам, который констатируют исследователи⁵⁰, вызван переоценкой понятия знатности, произошедшей к его времени. Весьма показательным в этом плане его отношение к находившимся на службе у императора евнухам. В то время как Евнапий, мысливший еще вполне в духе античности, относился к этим выходцам из рабов и вольноотпущенников не иначе, как с презрением, Зосим, хотя и не испытывает с ним особой симпатии⁵¹, не отрицает институт придворных евнухов как таковой, фиксируя место, которое они занимали, и отмечая влияние, которым они обладали⁵². Так, он не обнаруживает признаков расположения к всемогущему препозиту священной спальни Евтропию, однако порицает его за личные качества (например, скупость⁵³), а вовсе не за то, что он, евнух и бывший раб⁵⁴, поднялся до самых высоких в империи почестей, стал консулом⁵⁵ и обладал

³⁹ О происхождении Валента см.: *Amm. Marc.* XXX. 7. 2—3.

⁴⁰ О зависимости Зосима от Евнапия см.: *Paschoud F. Cinq études...* P. 207—214.

⁴¹ *Eunap.* Fr. 38. Ср. рассказ Аммиана Марцеллина о Феодоре, в котором заметно явное противопоставление его Валенту (*Amm. Marc.* XXIX. 1.8).

⁴² *Zosim.* IV. 13. 2—3.

⁴⁴ *Ibid.* 51.1.

⁴³ *Ibid.* V. 10.5.

⁴⁵ *Ibid.* 17.4.

⁴⁶ *Ibid.* 18. 7—9. Об Аврелиане см.: *PLRE.* I. P. 128—129.

⁴⁷ *Zosim.* IV. 51. 1. V. 10. 5; 17. 4.

⁴⁸ *Lib. Or.* XLII. 24—25.

⁴⁹ *Zosim.* II. 46.2.

⁵⁰ *Ridley R. T. The Fourth and Fifth Century Civil and Military Hierarchy in Zosimus // Byz.* 1971. Т. 40. P. 91—104.

⁵¹ *Козлов А. С. Социальные симпатии...* С. 33.

⁵² *Zosim.* V. 8. 1; 9. 2; 35. 2 etc.

⁵³ *Ibid.* V. 10.12.

⁵⁴ *PLRE.* II. P. 440.

⁵⁵ *Zosim.* V. 17. 4. Евтропий был первым евнухом, удостоенным консульского звания. На Западе его назначение консулом было воспринято как оскорбление и признано не было (*Claudian. In Eutropium.* II. 126—128).

огромным богатством и властью⁵⁶. Более того, характеризуя посланного вместе с Гайной против Трибигильда полководца Льва, Зосим считает вполне достаточным сказать лишь то, что он был близок к Евтропию⁵⁷.

Для представлений Зосима о знатности характерна и такая любопытная деталь: у Либания, Иоанна Златоуста и Феодорита Киррского термин *οἱ ἐν τέλει* употреблялся для обозначения куриалов⁵⁸, у Зосима он претерпел весьма своеобразную эволюцию и служил для обозначения высших военных чинов⁵⁹.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что Зосим отразил взгляды на знатность того слоя куриалов (либо представителей свободных профессий, тесно с ними связанных: недаром он ценит образованность больше, чем родовитость⁶⁰), который уже был в тесных контактах с имперским аппаратом⁶¹.

Линию Зосима продолжает Иоанн Лид (первая половина VI в.). Восхищенное отношение к куриалам, под началом которых, по его мнению, только и могли процветать города⁶², высказывание в духе Либания, что достойный человек в городе — тот, который отличается родовитостью, богатством и образованностью⁶³, представление о том, что благодатное происхождение непременно предполагает идущую в глубь веков давность рода⁶⁴ (вспомним, что уже в середине V в. человека считали знатным, если он являлся аристократом хотя бы в третьем поколении⁶⁵), позволяют предположить, что Иоанн и сам принадлежал к родовитой аристократии — сословию куриалов города Филадельфии, откуда он был родом⁶⁶.

Тем не менее, в то время как выходец из среды куриалов и их защитник Либаний всей своей деятельностью стремился противостоять имперской администрации, Иоанн Лид, напротив, целью своей жизни сделал именно службу в аппарате империи⁶⁷. Несмотря на то что он высоко ценил образование и сам был прекрасно образован, он все свое время посвящал службе, ей отдавая свои знания, а к книгам обращался лишь тогда, когда со службой не ладилось⁶⁸ либо когда уже на склоне лет эту службу пришлось ему оставить⁶⁹. Даже получив должность преподава-

⁵⁶ *Zosim.* V. 13.1; 17.4.

⁵⁷ *Ibid.* V. 14.2.

⁶⁰ Козлов А. С. Социальные симпатии . . . С. 28—29.

⁶¹ Как полагает А. С. Козлов, Зосим выражал интересы средней и мелкой служилой знати, которая генетически могла восходить к сословию куриалов и верхушке плебса (Козлов А. С. Социальные симпатии. . . С. 39—40). Однако представляется сомнительным, чтобы он отражал взгляды мелкой знати, ибо, как юрист префектуры претория, он по выходе в отставку получил титул комита, возможно даже *comes consistoriani* (Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 507; Vol. 3. P. 145. N. 85), который дал ему право на первое место среди *honorati* города, в котором он жил (по всей видимости, он обитал в провинции. См.: Paschoud F. *Zosimos*. Kol. 795). Что касается его связи с куриалами, то, на наш взгляд, она была не отдаленной, а непосредственной: он вышел из этой (или очень близкой) среды и был с нею в постоянном контакте, как были объединены между собой в его время риторы и юристы (см. выше, примеч. 36).

⁶² *Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres* / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903. (Далее: *Ioan. Lyd. De mag.*). III. 46.

⁶³ *Ibid.* III. 59.

⁶⁴ *Ibid.* III. 30.

⁶⁵ Чекалова А. А. Указ. соч.

⁶⁹ Всю свою жизнь Иоанн прослужил в ведомстве префекта претория (*Ioan. Lyd. De mag.* III. 30). По мнению С. Н. Тсирпанлиса и З. В. Удальдовой, Иоанн Лид какое-то время состоял на военной службе (*Tsirpanlis C. N. John Lydos on the Im-*

⁵⁸ Чекалова А. А. Указ. соч.

⁵⁹ *Zosim.* III. 30.1.

⁶⁶ *Ioan. Lyd. De mag.* III. 26, 58, 59.

⁶⁷ *Ibid.* III. 28—30.

⁶⁸ *Ibid.* III. 28.

теля школы на Капитолии, Иоанн Лид от службы не отказался ⁷⁰ и совмещал эти два (в глазах Либания совершенно несовместимые) занятия ⁷¹.

В отличие от аристократов IV—начала V в., больше всего ценивших досуг, который можно было посвятить литературным и философским занятиям ⁷², Иоанн больше всего дорожит возможностью спокойно служить, приобретая почтение со стороны простых чиновников и благосклонность начальствующих особ ⁷³.

Тонкости службы, этикет, принятый в среде имперской бюрократии, он описывает с наслаждением завязтого чиновника ⁷⁴, и, хотя он был аристократом по рождению, на общество он смотрит как чиновник, ставя в нем на первое место тех, кто занимал высокую должность и в силу этого обладал почетом (τιμή) и могуществом (δύναμις) ⁷⁵, в чем он отличается не только от своих предшественников-греков, но и от римлян, к которым себя относил. Так, если для римлян родовитый сенатор всегда был выше императорского чиновника, даже такого, как префект претория ⁷⁶, то для Иоанна Лида префект претория — могущественная персона, которой сенаторы обязаны оказывать всяческое почтение. Он подробно описывает, как до начала заседания сената собираются все его члены, а когда появляется префект претория, они встают со своих мест и приветствуют его, преклоняя перед ним колени ⁷⁷; появившийся император в первую очередь здоровается с префектом; после появления императора и префекта никому не разрешалось входить в зал, а после окончания заседания никто из сенаторов не имел права покинуть помещение прежде, чем это сделает префект ⁷⁸.

Скорее всего, это описание соответствовало византийской действительности VI в., но любопытно то, что поклонник древних обычаев, каким был Иоанн Лид, отнюдь не сетует по этому поводу, но, напротив, восхи-

perial Administration // Вуз. 1975. Т. 54. Р. 481; Удальцова З. В. Из византийской историографии VII в. 1. Иоанн Лаврентий Лид // ВВ. 1984. Т. 45. С. 55). Этот вывод сделан на основании того, что Иоанн употребил слово *στρατεία* (III. 28). Однако это слово являлось для Иоанна Лида обычным обозначением службы в гражданской администрации (III. 26, 30 etc.). Ср.: Bandy A. C. Introduction // *Ioannes Lydus. On Powers or the Magistracies of the Roman State*. Philadelphia, 1983. P. XIV.

⁷⁰ *Ioan. Lyd. De mag.* III. 29: «... ἐχόμενος τῆς στρατείας, ἐπαίδευον».

⁷¹ Правда, в отличие от Либания он преподавал латинскую словесность (*Ioan. Lyd. De mag.* III. 29), что также было знаменем времени.

⁷² См., например: *Synesii* Ep. 57, 114 etc.

⁷³ *Ioan. Lyd. De mag.* III. 30.

⁷⁴ *Ibid.* II. 7, 8; III. 2—7 etc.

⁷⁵ *Ioan. Lyd. De mag.* II. 7, 8; III. 57 etc.

⁷⁶ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 106.

⁷⁷ В тексте лица, приветствующие таким образом префекта, названы *οἱ τῶν ἐκεῖ προτεινόντες στρατευμάτων*. А. С. Бэнди перевел это как «those who head the troops there» (*Ioannes Lydus...* / Ed. A. C. Bandy... P. 97), поскольку, по его мнению, термины *στρατεία*, *στρατεύεσθαι* и т. п. в значении гражданской службы относятся только к префектуре претория, первоначально имевшей военные функции (*Bandy A. C. Op. cit.* P. XIV). Однако Иоанн Лид военную службу называет *ἐν ὄπλοις στρατεία* (*Ioan. Lyd. De mag.* I. 9; III. 2). Слово *στρατεία* в широком значении службы в гражданской администрации вообще употребляется и в законодательстве Юстиниана (см.: Чекалова А. А. Константинопольские аргиропраты в эпоху Юстиниана // ВВ. 1973. Т. 34. С. 18. Примеч. 39). Поэтому нам представляется, что в тексте «*De magistratibus*» речь идет о приветствии префекта претория лицами, возглавлявшими те или иные службы и в силу своей должности являвшихся сенаторами. Ср.: *Ridley R. T. John Lydos...* P. 489—490.

⁷⁸ *Ioan. Lyd. De mag.* II. 9.

щается этой процедурой. Характерно и другое. Если в «Новой истории» Зосима сенат фигурирует как особый институт, а сенаторы (*οἱ τῆν γερουσίαν πληροῦντες*) и высшие должностные лица — понятия не совсем равнозначные ⁷⁹, то в изложении Иоанна Лида высшие чиновники (*τῶν ἀρχῶν*) и сенаторы, по существу, одно и то же ⁸⁰. Само же название сената *ἡ γερουσία*, употребляемое Зосимом, представляется Иоанну Лиду связанным с древними временами, так же как древним считает он обычай сенаторов собираться в здании сената, а не в императорском дворце, как это стало привычным в его времена ⁸¹. Аналогия с данными агиографии, о которых мы упоминали выше, здесь вполне очевидна.

Однако признавая за представителями высшей имперской администрации право на первенство в социальном плане, Иоанн Лид предъявляет к ним и определенные требования, считая, что они должны отличаться образованностью, профессиональными знаниями и высокими моральными достоинствами ⁸². Именно здесь дал о себе знать аристократизм Иоанна Лида, ибо наличие или отсутствие у человека упомянутых качеств он тесно связывает с происхождением, будучи твердо убежден, что высших званий в государстве (*τὰ πρῶτα τῶν τῆς πολιτείας ἀξιωματῶν*), сопряженных с богатством и почестями, заслуживают представители родовой аристократии — куриалы, которые к тому же, по словам Иоанна Лида, сами стремятся к этому ⁸³. По всей видимости, куриалы от отрицательного отношения к карьере в административном аппарате империи постепенно приходят к ее полному признанию, а признав ее, они, некогда главенствовавшие на Востоке, хотят занять среди чиновников первое место, очевидно, чтобы таким образом влиять на судьбы людей и государства.

Более однозначными представляются взгляды Иоанна Малалы, которого исследователи считают возможным отождествить с патриархом Константинополя 565—577 г. Иоанном Схоластиком ⁸⁴. Его мало волнуют судьбы тех, которых обычно именуют *εὐγενεῖς*, зато его сочинение пестрит попеременно латинскими и греческими терминами, обозначающими представителей высшей имперской администрации и сановников, такими, как архонт ⁸⁵, магистр ⁸⁶, эпарх претория ⁸⁷, синклитик ⁸⁸, иллюстрий ⁸⁹, квестор ⁹⁰, патрикий ⁹¹. При чтении его «Хронографии» создается впечатление, что не было в Византии VI в. иной знати, кроме той, которая окружала василевса и ему служила. Показательно, что термин *οἱ συγχλητικῶι* означает в его сочинении не столько сенаторов, сколько приближенных. Именно этим термином Иоанн Малала обозначил

⁷⁹ Zosim. IV. 42.2; V. 13.1.

⁸⁰ Ioan. Lyd. De mag. II. 9.

⁸³ Ioan. Lyd. De mag. III. 62.

⁸⁴ См.: Hauray J. Johannes Malalas identisch mit dem Patriarchen Johannes Scholastikos // BZ. 1900. Bd. 9. S. 337—356; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 319—320; Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Berkeley; Los Angeles, 1985. P. 26. Исследователи нередко относят сочинение Иоанна Малалы к неэлитарной литературе, литературе для народа (см.: Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии, IV—первая половина VII в. М., 1984. С. 257). Ав. Камерон выступила с критикой этой концепции, показав, что «Хронографию» Иоанна Малалы следует относить не к «народной» литературе, а к так называемому неклассическому типу произведений (Cameron Av. Op. cit. P. 26).

⁸⁵ Ioannis Malalae Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831. P. 437, 457 etc.

⁸⁶ Ibid. P. 445 etc.

⁸⁷ Ibid. P. 477.

⁸⁸ Ibid. P. 442, 475, 476 etc.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid. III. 28; 57—70.

⁸⁹ Ibid. P. 444, 416.

⁹⁰ Ibid. P. 475.

⁹¹ Ibid. P. 438, 445, 453, 456 etc.

окружение варварского вождя Грегиса⁹². Что касается провинциальной аристократии, то она обозначена Иоанном Малалой термином οἱ κτητόρες⁹³ (землевладельцы⁹⁴). А земельную собственность в городах VI в. могли иметь не только куриалы, но и honorati, т. е. военно-чиновная знать⁹⁵, а также верхушка плебеев⁹⁶.

Но, пожалуй, наибольший интерес для изучения эволюции понятия знатности представляют взгляды Прокопия Кесарийского, в сочинениях которого встречаются весьма разнообразные термины, обозначающие ранневизантийскую аристократию. Это εὐγεγονώς⁹⁷, γένει λαμπρὸς⁹⁸, εὐπατρίδης⁹⁹, ἐπιφανέστατος¹⁰⁰, ἀριστοί¹⁰¹, οἱ ἐκ συγκλήτου βουλής¹⁰², οἱ τὸ ἀξίωμα πρώτοι¹⁰³, δόκιμος¹⁰⁴, λογιώτατος¹⁰⁵.

Прокопий, как видно, отличает в ранневизантийском обществе в качестве его верхов людей благородных по рождению (причем некоторые могли быть благородными лишь со стороны отца — εὐπατρίδης¹⁰⁶): лиц, входящих в состав сената, отличающихся высотой званий, а также видных по положению, влиятельных, лучших. Вполне естественно возникает вопрос, совмещались ли, по Прокопию, эти качества в одном лице, и если нет, то каким признакам он отдает предпочтение в качестве конституирующего фактора определения знатности.

Б. Панченко, наиболее тщательно изучивший вопрос о социальных взглядах историка, считал, что он наделял богатством, родовитостью, сановностью и влиятельностью одних и тех же людей — высшее сословие империи, именуемое сенатом — ἡ σύγκλητος βουλή¹⁰⁷. Однако терминологический анализ сочинений Прокопия приводит нас к выводу, что родовитость и сановность далеко не всегда сочетались в тех, о ком он упоминает в своих трудах. Примеры, подобные Мамиану из Эмесы, который был патрикием и в то же время отличался знатностью рода (γένει λαμπρὸς), обладая при этом и большим богатством¹⁰⁸, крайне редки, если не сказать единичны. Уже само выражение ἀνδρα ἐκ βουλῆς μὲν καὶ εὐγεγονότα, употребленное им по поводу военачальника Ливии Ареобинда¹⁰⁹, свидетельствует о том, что сенатор и родовитый аристократ для Прокопия отнюдь не синонимы.

Любопытно и другое — само понятие родовитости у Прокопия достаточно своеобразно для человека, которого принято считать выразителем интересов консервативных кругов старой сенаторской аристо-

⁹² Ibid. P. 427.

⁹³ Ibid. P. 444.

⁹⁴ Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München, 1969. S. 118—119.

⁹⁵ Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 178—179.

⁹⁶ Лебедева Г. Е. Указ. соч. С. 123.

⁹⁷ Procopii Caesariensis Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1964. Vol. 1: De Bello Vandalico. (Далее: В. V.). II. 18.3.

⁹⁸ Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 3: Historia arcana. (Далее: Н. а.). XVIII. 23.

⁹⁹ В. V. II. 6.22.

¹⁰⁰ Н. а. XII. 6.

¹⁰² Н. а. XI. 40.

¹⁰¹ В. V. I. 9.8; II. 4.32.

¹⁰³ Ibid. XII. 5.

¹⁰⁴ Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1: De bello persico. (Далее: В. P.). I. 26.8; В. V. I. 16.14; II. 21. 3.

¹⁰⁵ Н. а. VII. 23; XXVIII. 12.

¹⁰⁶ В. V. II. 6.22.

¹⁰⁷ Панченко Б. О Тайной Истории Прокопия // ВВ. 1895. Т. 2. С. 363—365.

¹⁰⁸ Н. а. XXVIII. 3.

¹⁰⁹ В. V. II. 24.1.

кратии¹¹⁰, ибо в отличие от Иоанна Лида он относит понятие εὐγενεῖς не к лицам с богатой родословной, а всего лишь к тем, чьи недавние предки, достигнув высокого положения в имперской администрации, получили за это тот или иной высокий титул. Так, он считает родовитым (γένει μέγαν) императора 467—472 гг. Анфимия¹¹¹, хотя дед его происходил из семьи колбасников¹¹². Следовательно, недавние потомки тех, кого высмеивал за низкое происхождение Либаний, оказывались аристократами в глазах не менее образованного представителя культурной элиты, жившего, однако, уже в VI, а не в IV в.

Показательно, что понятие родовитости у Прокопия распространяется даже на варваров — в частности, вандалов. Повествуя о бедственном положении Гелимера, он, например, говорит, что вместе с царем вандалов трудности терпело и его окружение, состоявшее из его племянников, двоюродных братьев и «других благородных лиц (ἄλλοις ἐν γέγονόσι)»¹¹³. Упомянутый выше термин εὐπακρίδης Прокопий также использовал по отношению к варвару — предводителю герулов Фаре¹¹⁴, хотя в VI в. традиционное значение этого слова, «родовитый по отцу», еще не было забыто, что явствует из сочинений Иоанна Лида¹¹⁵.

Конечно, на страницах сочинений Прокопия встречается истинно родовитая знать — муниципальная аристократия, каким был, например, Анатолий из Аскалона, первым значившийся в городских таблицах¹¹⁶, или Мамилиан из Кесарии, отпрыск славнейшего рода¹¹⁷. Отдавая должное этой знати, Прокопий вместе с тем не испытывает чувства негодования или протеста, когда представители ее оказываются на весьма низких постах, как это случилось со «славным родом» Иосифием, писцом придворной стражи в Карфагене¹¹⁸. Позиция Прокопия в данном случае сходна с отношением к подобному роду фактам Зосима.

Характерно и другое. Говоря об аристократах того или иного города, Прокопий акцентирует внимание не столько на их родовитости, сколько на их значительности, влиятельности, известности, о чем свидетельствуют термины δοκιμοί¹¹⁹, ἐπιφανέστατοι¹²⁰, λογιμώτατοι¹²¹, которые могли относиться и к honorati.

Равным образом и в общеимперском масштабе знатность положения играет для Прокопия весьма существенную роль, и такие понятия, как οἱ ἐκ συγκλήτου βουλευτῆς¹²², τὸ ἀξίωμα πρώτοι¹²³, значат в его глазах не меньше, если не больше, чем родовитость. Так, рассказывая о полководце Бузе, готе по происхождению, попавшему в сенат благодаря воинским заслугам и, следовательно, являвшемуся аристократом в первом поколении, Прокопий с возмущением пишет о том, как он, обладатель консульского звания, был заточен в подземелье и там бесследно пропал¹²⁴. В другой раз Проко-

¹¹⁰ См.: Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба. . . С. 173—178.

¹¹¹ В. V. I. 6. 5.

¹¹⁸ В. V. II. 15. 7.

¹¹² PLRE. I. P. 696—697.

¹¹⁹ В. P. I. 26. 8.

¹¹³ В. V. II. 6. 4.

¹²⁰ Н. а. XII. 6. XXVIII. 2.

¹¹⁴ Ibid. II. 6. 22.

¹²¹ Ibid. XXVIII. 12.

¹¹⁵ Ioan. Lyd. De mag. III. 72.

¹²² Ibid. XI. 40.

¹¹⁶ Н. а. XXIX. 17.

¹²³ Ibid. XII. 5.

¹¹⁷ Ibid. XXIX; 17.

¹²⁴ Н. а. III. 22—25. Б. Рубин считает, что Буза был сыном Виталиана (Rubin В. Das Zeitalter Justinians. В., 1960. Bd. 1. S. 485. Anm. 747. Cf.: PLRE, II. P. 1171), однако, прямых данных по этому поводу нет. Более того, кажется маловероятным, чтобы Прокопию, который хорошо знал этот круг людей и который неоднократно упоминал о племяннике Виталиана Иоанне, не был известен подобный факт, имея он место.

пий порицает Феодору за то, что она обошлась, как с рабом, с возведенным в консульское звание пасынком Велисария Фотием ¹²⁵, который, по словам самого же Прокопия, был человеком весьма низкого происхождения: отец его был безродным бедняком, а мать, родившись от проститутки при цирке, сама смолоду была блудницей ¹²⁶.

Рассказав всю подноготную о происхождении Юстиниана, подробно и с насмешкой описав его дядю Юстина, простого иллирийского крестьянина ¹²⁷, Прокопий вместе с тем убежден, что, став императором, Юстиниан «мог избрать себе в супруги из всей Римской державы женщину наиболее благородного происхождения (*μάλιστα εἰς τὴν γεγονῶσαν*)» ¹²⁸.

Антиподом Юстиниана в сочинениях Прокопия является не человек с древней генеалогией, а член той же самой фамилии — полководец Герман, достигший, по словам Прокопия, вершин добродетели ¹²⁹.

Весьма показателен для представления Прокопия о знатности пример Иоанна Каппадокийского, к которому он относится с особой ненавистью, возможно, потому, что тот, будучи худородным выскочкой, малограмотным, сумел подняться до самых высоких должностей и званий, в то время как Прокопий, столь прекрасно образованный, был лишь советником Велисария. И вот, когда Иоанна после его смещения с должности подвергли физическому наказанию, Прокопий с возмущением пишет: «Этого человека, бывшего столь могущественным эпархом, причисленного к патрициям и возведенного в консульское звание, выше которого нет почести в Римском государстве, голого, как разбойника какого или вора, велели сесть по спине, принуждая признавать прежние проступки» ¹³⁰.

Прокопий, следовательно, относился к высшим должностям и титулам, как и Иоанн Малала: он чтит их независимо от того, кто был по происхождению их обладатель. Конечно, он так же, как и Иоанн Лид, предпочел бы, чтобы почестями облакались не выскочки ¹³¹, все же официальный статус для него — решающий фактор в оценке того или иного лица. Говоря, например, о браке дочери Германа с племянником Виталиана Иоанном, Прокопий отмечает, что брак этот был неравным, поскольку Иоанн по своему достоинству был много ниже Германа (*λίαν ἀπὸ τῆς ἀξίας τῆς αὐτοῦ ὄντι*) ¹³². Между тем генеалогия Иоанна была несколько древнее, чем Германа ¹³³.

В константинопольском сенате Прокопий, как и официальное законодательство ¹³⁴, выделяет в первую очередь высших должностных лиц, обладавших в силу этого и высшими титулами, таких, как префект претория 521—522 г. Демосфен ¹³⁵ или магистр оффиций 520 г. Татиан ¹³⁶, судьбу наследства которых, присвоенного Юстинианом на основании подложных завещаний, Прокопий рассматривает как показатель отношения Юстиниана к сенаторской аристократии вообще ¹³⁷. Политика Юстиниана по отношению к сенату рассмотрена им, таким образом, не на примере старой сенаторской аристократии, как это принято считать, а новой, служилой знати.

¹²⁵ Ibid. III. 9.

¹²⁶ Ibid. I. 11—12; II. 6.

¹²⁹ *Procopii Caesariensis Opera omnia*. Vol. 2: De Bello Gothico. III. 2.10.

¹³⁰ В. Р. I. 25.40.

¹³¹ См., например: В. Р. II. 15.9.

¹³⁴ См., например: Nov. 22. Epil.; 62. Cap. 2.

¹³⁵ PLRE, 2. P. 353—354.

¹³⁶ Ibid. 1054—1055.

¹²⁷ Н. а. VI. 2.

¹²⁸ Ibid. X. 2.

¹³² Н. а. V. 9.

¹³³ PLRE. II. P. 1171.

¹³⁷ Н. а. XII. 5.

Прокопий нигде не критикует сложившуюся в Византии систему иерархии должностей и титулов, столь заметно отличавшуюся от существовавшей в Риме. Напротив, он убежден в ее целесообразности. Более того, он за то, чтобы статус чиновной аристократии был прочен, сопряжен с богатством¹³⁸ и имел бы определенные гарантии; он также за то, чтобы эта аристократия сама себя воспроизводила¹³⁹, давая своим отпрыскам образование, причем не только традиционное риторическое, но и юридическое, являвшееся в глазах Прокопия настолько необходимым, что в понятие «ритор» он, как и другие его современники, в качестве весьма существенного компонента включает знание законов¹⁴⁰ — факт, совершенно немислимый для Либания¹⁴¹.

Сознательно или бессознательно он поднимает чиновную знать Византии до уровня сенаторской аристократии Рима, наследницей традиций которой он ее хочет видеть¹⁴². Одну из таких традиций Прокопий описывает следующим образом: «Издравле сенат, являясь к императору, приветствовал его следующим образом. Кто был патрикием, целовал его в правую часть груди, а император, поцеловав его в голову, отпускал; остальные уходили, преклонив перед ним правое колено»¹⁴³. Между тем вполне очевидно, что это был чисто византийский обряд, сложившийся, скорее всего, не ранее V в., не говоря уже о том, что сама процедура в константинопольском сенате была иной в принципе, ибо в Риме император являлся в сенат, а не сенаторы приходили к императору.

Этот пассаж, однако, интересен как свидетельство того, что Прокопий разделял заблуждения своего времени, как разделял он и существовавшие в Византии VI в. представления о знатности. Его сочинения со всей очевидностью показывают нам, что, хотя категория родовитости продолжала существовать, наибольшей знатностью даже со стороны культурной элиты общества наделялись те, кто занимал высшие посты в военно-административном аппарате империи. И даже культурная элита хочет видеть эту имперскую аристократию наследственной, богатой и окруженной почетом, правда выдвигая ей взамен требование образованности как гаранта мудрого правления государством¹⁴⁴. В этом и заключался главный итог эволюции представлений о знатности в ходе IV—VI вв.

¹³⁸ Ibid. XII. 51—2.

¹³⁹ Ibid. XVII. 31—32.

¹⁴² См., например, Н. а. VIII. 13—21; XIV. 7—8, где параллель между римским и константинопольским сенатом наиболее очевидна.

¹⁴³ Н. а. XXX. 21—22.

¹⁴⁴ Ibid. XX. 17.

¹⁴⁰ Ibid. XX. 17.

¹⁴¹ *Libanii Or.* LXII. 21.